

Фрагмент из романа

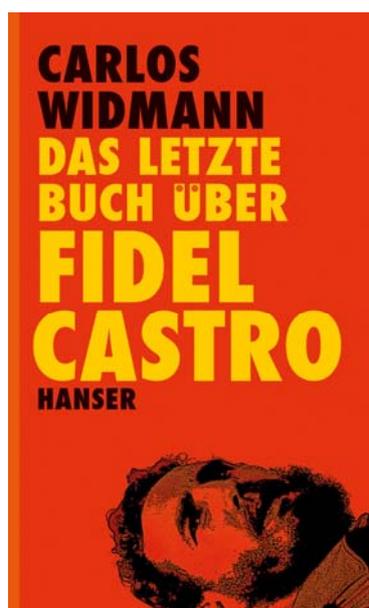
Carlos Widmann
Das letzte Buch über Fidel Castro

Carl Hanser Verlag, München 2012
ISBN 978-3-446-2424004-9

C. 9-19

Carlos Widmann
Последняя книга о Фиделе Кастро

Перевод Марии Зоркой

*Фидель Кастро – гигант, который высился
в XX столетии и достиг XXI столетия – к нашему счастью.*

Уго Чавес

Сказанные от сердца слова президента Венесуэлы объясняются его жаждой получить признание всего мира в качестве духовного наследника и преемника Кубинской революции. Тем не менее, в этой сентенции Чавеса два положения верны. Фидель Кастро – историческая фигура необычайного масштаба, ему удалось выйти далеко за пределы возможностей собственной страны. Да, он был гигантом своего века и достиг века следующего – а все оттого, что испокон веков никакому другому правителю не удавалось так долго импонировать собственному народу, удерживать его на своей стороне и держать в руках. Рискнем предположить: так оно поначалу останется и после смерти Кастро.

Деяния грандиозны, риторика зажигательна, но все-таки главный отличительный признак его правления – немыслимая длительность наперекор безрезультатности, трагически набравшей обороты. С этим затяжным руководством на посту напрашиваются занятные сравнения. Кастро управлял своей страной так же долго, как Германией руководили один за другим шесть федеральных канцлеров. Аденауэр, Эрхард, Кизингер, Брандт, Шмидт и Коль все вместе занимали должность 49 лет, точно как один Фидель Кастро. А список президентов США, которых вызывал на провокации все тот же противник из Гаваны, выглядит еще представительнее: Эйзенхауэр, Кеннеди, Джонсон, Никсон, Форд, Картер, Рейган, Буш-старший, Клинтон, Буш-младший и Обама. Даже в сравнении с властителями советской империи Кастро уникален: продолжительностью правления он превзошел Ленина плюс Сталина плюс Хрущева и еще прихватил два года от Брежнева. Рядом с кубинским команданте диктатура председателя Мао покажется (если ты не китаец) почти сносной: она длилась на 22 года меньше.

«Остров средней величины у северного выхода из Мексиканского залива», – вот так небрежно аргентинец Че Гевара отзывался о своей второй родине. Николас Гильен, лауреат Сталинской премии и любимый поэт Кастро, воспевал Кубу – «зеленую длинную ящерицу с глазами, как влажные камни». Без этой рептилии затянувшаяся история мирового коммунизма была бы на порядок короче, но, пожалуй, и сильно скучнее. 53 года – *and counting* («подсчет не завершен» – *англ.*) – у кормила власти один-единственный лидер, его брат и наследник, а также горстка присягнувших им на верность старых бойцов: это достижение само по себе претендует на почетное место в Книге рекордов Гиннеса. Ведь песчинки продолжали сочиться сквозь горлышко часов и после 24 февраля 2008 года, когда президент Фидель Кастро в возрасте 81 года официально передал бразды правления другому и более молодому – да, своему братцу Раулю 1931 года рождения.

И сейчас, когда пишутся эти строки, наш протагонист настойчиво продолжает подавать признаки политической жизни. В партийной газете *Granma*, что означает: «бабушка», «бабуля», и ее партнерском издании *Juventud Rebelde*, что означает: «бунтующая молодежь» (эта пресса несомненно является лучшим средством от бессонницы за пределами Пхеньяна), печатаются в свободном порядке «Размышления товарища Фиделя», из которых нет-нет, да и следуют директивы – например, по поводу внешней политики Кубы. А то еще команданте разыгрывает перед камерой роль *elder statesman* («крупный политик на покое» – *англ.*) и принимает важного зарубежного визитера в своем пенсионерском и затрапезном тренировочном костюме, что на экране выглядит как оригинальная реклама фирмы «Adidas». А то еще он открывает для американского журналиста роскошный аквариум в Гаване и наслаждается представлением: фигурное плавание с дельфинами. А то он с глубоким поклоном заявляется в Гаванскую нунциатуру, чтобы испросить у Папы-немца, своего ровесника, нечто вроде благословения – пусть и не по вероисповеданию. Покуда на

Кубе разыгрываются подобные сцены, о конце эры Кастро всерьез не может быть речи. Борьба не прекратилась, культ личности не отменен. Бледной тенью самого себя прежнего – почитаемого ли, ненавистного ли – Фидель Кастро все так же зловеще присутствует на острове. Харизматический призрак, бормочущий оракул.

Но вдруг это единоличное руководство не слишком-то значительной страной при всей его марафонской длине останется для всемирной истории лишь непомерно затянувшимся эпизодом или даже жуткой сноской в учебнике – наподобие династии диктаторов-аутистов Кимов в Северной Корее? Нет, такое вряд ли предвидится. Дряхлому революционеру, а заодно и почти трем поколениям кубинцев, не грозит позор, что историки спрячут его дело на хранение в ящик для аномальных и иррелевантных аутсайдеров.

«История меня оправдает!» – театрально воскликнул молодой и гладко выбритый адвокат Фидель Кастро в октябре 1953-го на заседании суда в Сантьяго-де-Куба. Его отважная и дилетантская попытка захватить вместе с сотней вооруженных бойцов (среди них две женщины) гарнизон диктатора Батисты провалилась, закончилась кровавым поражением. Но спустя пять лет этот адвокат – теперь уже обросший бородой вождь герильи – по сути стал одним из творцов истории XX века. Нет сомнений, что Фидель Кастро многое изменил в этом мире. О том, какую пользу это принесло миру и кубинцам, сказано на других страницах учебника. А что до заявленного оправдания историей, так ведь приговоры ее неисповедимы, и у кого есть время подождать, тот пусть готовится к неожиданностям. Мартин Мозебах¹, посетив Гавану и полюбовавшись вездесущей цитатой про оправдание, язвительно заметил, что «к Нерону и Чингисхану в кругах специалистов также относятся с большим пониманием».

История для историков давно уже не сводится к героическим деяниям сильных личностей и их преступлениям, как бывало в шекспировской драме. У них в центре внимания главным образом социальное и экономическое развитие. Но в случае с Кубой они

бьются лбом о стену. Фидель Кастро – это какой-то анахронизм: подобно ряду других диктаторов XX века, он дает образец безмерного влияния отдельной личности на исторический процесс. Стремление Кастро к самоутверждению, его чудовищное Эго, его жажда власти и лидерства обусловлены более других факторов тем, что «первой свободной территории Америки» (самоназвание Кубы после 1960 года) почти на три десятилетия удалось стать ареной борьбы великих держав – соучастницей, зачинщицей или помехой.

Кастро, прирожденный исполнитель главных ролей, необычайно долго был, выражаясь современным языком, *Global Player* («глобальный игрок» - *англ.*) «Лучшим на сегодня политическим массовиком-затейником на мировой арене» назвал его в начале шестидесятых корреспондент Ганс Ульрих Кемпскиⁱⁱ. Под властью Кастро с его риторикой и культовой иконой Че Гевары Куба оказывала влияние на другие народы и континенты, на политические и духовные течения прошлого столетия – в первую очередь, в Латинской Америке и в Западной Европе, которым эта страна с испанским наследием особенно близка. Один раз (впрочем, и одного достаточно) остров оказался в эпицентре нервного кризиса сверхдержав, который в октябре 1962 года едва не столкнул человечество в бездну атомного холокоста – по милости и под напором команданте Фиделя Кастро.

Кубинский экспорт революции и партнерство с Советским Союзом – история долгая, растянувшаяся более чем на четверть века. Но вообще-то главные события на острове происходили в первые четыре года после вступления Кастро в Гавану. Происходили с ошеломляющей скоростью, молниеносно. Кровавых палачей и приспешников Батисты (а заодно и активных противников революции) расстреляли за несколько месяцев. Кампания по борьбе с неграмотностью завершилась уже в 1961 году. К концу 1962-го провели реформу здравоохранения, ввели нормированное распределение продуктов. Не одобренная президентом Кеннеди, но поддержанная американскими ВВС попытка вторжения кубинских

эмигрантов в бухту Свиней была отражена самолично Кастро, что дало ему идеальный повод для провозглашения социализма. Национализацию американских и кубинских сахарных плантаций, а также принадлежащих США нефтеперерабатывающих заводов, да и вообще всех промышленных и торговых предприятий, провели одним ударом, а уж на ликвидацию мелкого предпринимательства, включая часовщиков и сапожников, времени потребовалось и того меньше. Исход высшего и среднего класса в Южную Флориду также состоялся в медовый месяц революции. А Карибский кризисⁱⁱⁱ, за счет которого Хрущев негласно все-таки добился у Кеннеди гарантий ненападения на коммунистическую Кубу, разрешился еще в 1962 году вместе с выводом советских ракет средней дальности и демонтажем пусковых установок.

Все это вошло в историю, и ее продолжают изучать, дополнять и пересказывать по-новому. Придет конец режиму, откроются гаванские архивы, но вряд ли общая картина изменится и станет полнее. Фидель Кастро как создатель и хранитель легенды о самом себе очень заинтересован в неразглашении тайны, ретуши и прославлении – разумеется, и посмертно. Да и что, собственно, означает «конец режима»? Кто даже сегодня решился бы приклеить этому режиму ярлык с указанием срока годности? *Castro's Final Hour* («Последний час Кастро» - *англ.*) – так называлась книга отважного репортера, собиравшего материал в уверенности, что коммунизм на Кубе рухнет вот-вот. Однако превосходный репортаж лауреата Пулитцеровской премии Андреса Оппенгеймера^{iv} про «последний час Кастро» имеет некоторый изъян: он был напечатан в 1992 году, более двадцати лет назад.

Верен в его прогнозе краха вывод о том, что важная роль Кубы на мировой арене уже тогда была отчасти отыграна (а теперь она и вовсе отошла в вечность). Но со времен падения Берлинской стены и доныне взволнованный вопрос звучит так, все еще так: когда же кубинцы скинут своего правящего патриарха и/или его престарелых

сотоварищей? И еще: как же кубинцам удалось осуществить свой тропический вариант коммунизма без пролития крови и, главное, без иностранной интервенции?

Около 80 % всех кубинцев, ныне проживающих в стране, не знают другой Кубы, кроме революционной. Сумеют ли жители острова выйти из-под духовной опеки одного-единственного человека, освободиться от бюрократической опеки его единой партии, продолжающейся более полувека, и не подпасть, как раньше, под американский протекторат? Это судьбоносный вопрос для всего полушария. Легенда о Фиделе Кастро с недавних времен оживает в беднейших странах, где она явно производит впечатление и имеет больше шансов, чем на Кубе. Молодое поколение в Гаване и вокруг культивирует нарциссизм, от начала до конца инспирированный Западом. Режимом скучного старика-воспитателя и его болтовней про свободу всему миру кубинская молодежь сыта по горло.

Другое дело – в Боливии, Парагвае и Перу, в Эквадоре и Венесуэле, в политическом фольклоре даже таких больших стран, как Аргентина и Бразилия. Миф о доблестном борце, бросившем вызов богатым и американцам, обрел там новую притягательную силу, его насаждают левые популисты, которые за последнее время заняли полдюжины президентских кресел. Сегодня в их странах лицемерные признания в любви к Кубе, Фиделю и Че – постоянная составляющая правительственной пропаганды. От ореола Фиделя Кастро кормятся все те, которые разыгрывают из себя бойцов авангарда в мощном оборонительном сражении с местной олигархией, транснациональными корпорациями, безликим международным финансовым капиталом, но главное – с «северным колоссом», вечным виновником нищеты, эксплуатации, отсталости, унижений.

Послание о социальной справедливости в Латинской Америке сочинили задолго до Кубинской революции, его со всей демагогической настойчивостью распространяли, в частности, Ласаро Карденас в Мексике, Ева и Хуан Доминго Перон в Аргентине, Виктор

Пас Эстенсоро в Боливии и даже по молодости Фульхенсио Батиста на Кубе. Но лишь благодаря Кубинской революции оно обрело обетованную силу для всего континента и даже за его пределами. Революция породила героический эпос, который выставил в комическом свете все усилия реформаторов-демократов и на несколько десятилетий сократил политический выбор: бойцы герильи или гориллы – ниспровергатели-радикалы или военные реакционеры.

А если в некоем отдаленном будущем открытие кубинских тайных архивов явит на свет компрометирующие материалы о *Comandante en Jefe* («главнокомандующий» - исп.), то на легенде о Кастро это едва ли скажется, ведь ее не развеять никакими силами, и менее всего на такое способны сами кубинцы, которые вместе с концом режима неизбежно разделятся на победителей и проигравших, освобожденных и оскорбленных, радующихся новому и тоскующих по старому. Для защитников бедноты в Латинской Америке и Третьем мире Кастро навеки останется бойцом-гуманистом, у которого наготове ружье с оптическим прицелом и который для своего несчастного народа добился права на образование и бесплатную медицину, а пресловутыми продуктовыми карточками создал предпосылки для того, чтобы ни один кубинец больше не голодал. И вот что еще важнее: направленный на север Фиделев антиимпериализм – национальной и националистической природы, он глубоко укоренен в истории страны и для целого слоя униженных кубинцев долгое время составлял основу самоидентификации. В глазах многих историков и журналистов островное государство именно благодаря революции Кастро стало не только социалистическим, но и поистине кубинским.

Данному мнению можно противопоставить весомые и почти неоспоримые доводы, но таковые воспринимаются как мелкие, безосновательные и даже невежественно-поверхностные. Обычно людям не по нраву, когда их пытаются лишить основ веры. Кто пытается развенчать миф или попросту ложь, того люди считают грабителем, посягнувшим невесть на какие ценности, – утверждает

аргентинский историк Кристиан Бухрукер. Верный Москве вождь кубинских коммунистов Анибаль Эскаланте, которого Кастро потом засадил в тюрьму, вскоре после победы Революции в армейском журнале «Верде Оливо» (*Verde Olivo*) еще успел здраво заметить: «Куба – одна из стран Латинской Америки, где уровень жизни населения особенно высок». Данное высказывание, в ту пору весьма нежелательное, принесло Эскаланте немало неприятностей. При диктатуре Батисты на Кубе были самые низкие (после Аргентины, Уругвая, Перу) показатели безграмотности во всей Латинской Америке и Карибском регионе.

Кубу с ее смесью халатности и коррупции, неравным распределением богатств, жадной потреблением и общей безалаберностью скорее уж следовало бы сравнивать с каким-нибудь южным штатом США – например, с Луизианой – чем с нищими Гаити или Гондурасом. Но в пятидесятые годы даже рядом с Новым Орлеаном жизненный уровень Гаваны был высок, а ее культурный уровень вполне соответствовал статусу кипучего города мирового значения. Впрочем, жизнеобеспечение по-социалистически и новые шансы, которые Революция дала даже беднейшим из кубинских пролетариев, обеспечивались не собственными средствами, а поддержкой из Советского Союза и всего Восточного блока. Позже претензии Фиделя на мировую революцию и его личный боевой дух придали вдохновения кремлевским вождям, так что экзотическая братская страна стала крупнейшей военной державой Латинской Америки и свайным молотом социализма во всем мире. Что удалось, то удалось – с воздействием на долгие годы и на весь земной шар. Давно это было, но почти нигде «на местах» не сохранилось об этом добрых воспоминаний.

Какое зрелище: Кристина Киршнер, потрянув звездной копной волос, демонстрирует сомнительный по пристойности бросок бедром, хлопает длинными ресницами, да еще и воркует – и все ради дряхлого Фиделя. Президент Аргентины принадлежит к новому поколению

правителей-популистов в Латинской Америке, для них *de rigueur* («обязательно, непременно» - *франц.*) фотосъемка с команданте. Южнопатагонская нефтяная и туристическая клептократия, то есть баснословно разбогатевшая супружеская чета Киршнер, взобралась на вершины власти в Буэнос-Айресе благодаря пакту с левым перонизмом – успешный союз, который после безвременной, от инфаркта, смерти Нестора Киршнера поддерживает его вдова. На сегодня она – самая занятная из всех латиноамериканских выскочек, которых так и тянет к Фиделю.

Однако по шкале громкости и по международному влиянию мадам Киршнер далеко отстала от венесуэльца Уго Чавеса. Убедительный оратор, подполковник парашютно-десантных войск и бывший путчист из нефтяной державы Венесуэла явился Фиделю Кастро в период падения старого советского руководства поистине с небес. «Ураганный Уго» не просто обладал сырьем для реального спасения кубинского режима от смерти, он еще и на полном серьезе выставлял себя учеником Фиделя и потенциальным продолжателем дела революции. Точная цитата из речи Чавеса: «Фидель Кастро – это для меня отец, это для меня маяк, и его абсолютно никем не заменишь». Фидель составил о венесуэльце Чавесе столь же высокое мнение, что объясняется проще: без нефтяных танкеров из залива Маракайбо его революция не пережила бы потерю великого дядюшки-кормильца – Советского Союза.

Агония кубинского социализма, бесконечно замедленная внутривенными вливаниями нефти и долларов, для остального мира скорее курьез, чем досада: это утопия под капельницей. Впечатляющие руины многомиллионной Гаваны и изборожденная морщинами физиономия старого команданте восхитительно соответствуют друг другу как две стороны одной медали. Вместе они представляются метафорой выстоявшей, но от рождения патологичной и обреченной на провал революции, которая за полвека разорила Республику Кубу, превратив ее в живописную богадельню. Остров

сахара и сигар, по размеру равный покойной ГДР, обрел свое непропорционально большое значение для истории лишь во второй половине XX века. Тогда Куба – расположенная, что называется, «на задворках» США, но зато славная вторым по величине доходом на душу населения во всей Латинской Америке после Аргентины – явила этой части мира нечто абсолютно новое и сенсационное. А именно: диктатуру, которую долго поддерживали американцы и которая под конец проявила необузданную кровожадность, уничтожил крошечный повстанческий отряд, состоявший из очень молодых людей. Согласно легенде, вместе со своими сторонниками-крестьянами они героически пробивались от гор Сьерра-Маэстра на юго-востоке к самой столице на северо-западе. И в новогоднюю ночь 1959-го их встретили в Гаване с карнавальным ликованием – как освободителей.

ⁱ Мартин Мозебах (род. в 1951 году) – немецкий писатель и публицист, автор романов, киносценариев, театральных пьес, радиопьес, оперных либретто, репортажей (*здесь и далее – прим. пер.*)

ⁱⁱ Ганс Ульрих Кемпски (1922–2007) – в свое время один из самых значительных немецких журналистов, в течение многих лет – шеф-корреспондент «Зюддойче Цайтунг».

ⁱⁱⁱ Термин, принятый в отечественной историографии. В США и Европе – «Кубинский ракетный кризис», на Кубе – «Октябрьский кризис».

^{iv} Андрес Оппенгеймер – аргентинский журналист, проживающий в США. Ведет международную колонку в «Майями Геральд», которую перепечатывают более 60 газет мира. Пулитцеровская премия – 1987.